

— Фрэнсис Кель —

ПЕСНЬ
СОРОКОПУТА
РЕНЕССАНС

МОСКВА 2024

*Запах старинных библиотек,
лоск роскошных приемов — и на контрасте
грязь и кровь Запретных земель. В «Ренессансе»
мы узнаем гораздо больше о темных методах
Скэриэла Лоу и поражаемся правде о прошлом
некоторых героев. Готье же пора обрести
веру в себя и начать действовать.
Кто может стать его неожиданным
союзником? Темная, аристократичная
и волнующая — книга подарила мне массу
приятных переживаний.
Вызывающая ностальгию школьная
жизнь героев сочетается с терпким духом
заговоров и грядущей революции —
и это очень красиво.*

АНТОНИНА КРЕЙН

писательница,
автор фэнтези-вселенной «Шолох»

Песнь Сорокопута

Песнь Сорокопута.
Ренессанс

Песнь Сорокопута.
Да здравствует принц!

— Фрэнсис Кель —

ПЕСНЬ
СОРОКОПУТА
РЕНЕССАНС

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К34

Иллюстрации на обложке, форзаце, нахзаце
и в тексте *Кристины Деминой*

Разработка серийного оформления *Кати Петровой*

Дизайн переплета *Радия Фахрутдинова*

Кель, Фрэнсис.

К34 Песнь Сорокопута. Ренессанс / Фрэнсис Кель. — Издание 2-е, исправленное. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-195800-8

Вся жизнь Готье была ложью, с которой он теперь не собирается мириться.

Джером больше не согласен оставаться в тени и плыть по течению.

И только Скэриэл по-прежнему хладнокровно преследует свои цели, идет по головам, сметая все на своем пути.

Чистокровным, полукровкам и низшим стало слишком тесно в Октавии.

Грядут большие перемены.

Грядет Ренессанс.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

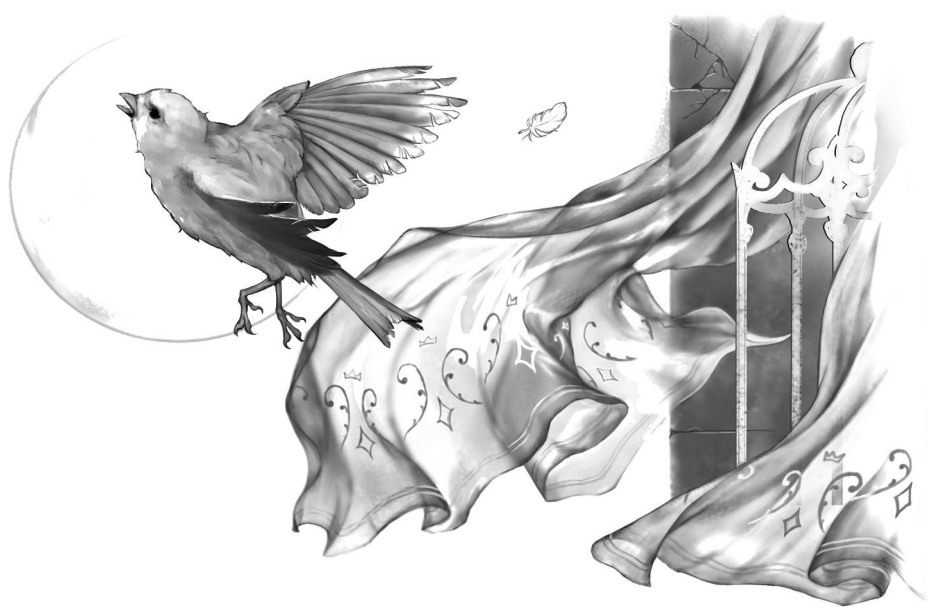
© Кель Ф., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-195800-8

VOLUMEN II

ANNO MMXXIV

ПРЕФАТИО

Здравствуйте, дорогой читатель.

Могу ли я уже называть вас Сорокопутёнком или Птенчиком? Так мы в фандоме Сорокопута зовём верных читателей цикла.

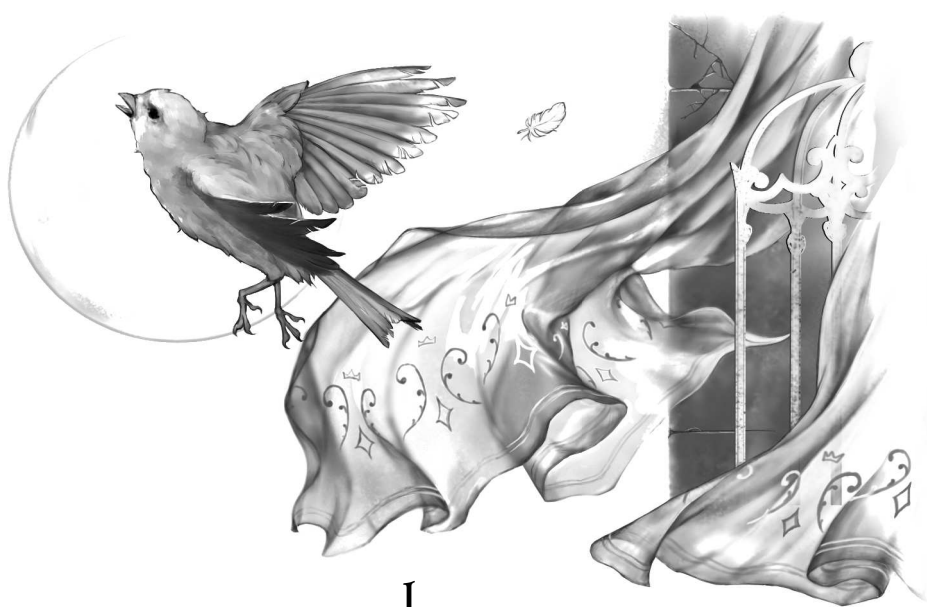
Вы держите в руках второй том коллекционного переиздания «Песнь Сорокопута. Ренессанс». Я надеюсь, что вы уже ознакомились с первой частью цикла, где помимо Ромуса представлены и другие города Октавии, прочитали новые главы и дополнительную информацию в конце книги. А ещё оценили список упомянутых героями произведений, авторов и художников.

В конце этой книги я тоже дам дополнительную информацию и даже расскажу немного о своих делах и планах. Прошу вас обратить на это внимание. Мы всей командой Черным-бело надеемся, что коллекционное переиздание Ренессанса вам понравится так же сильно, как нравится оно нам.

Спасибо, что возвращаетесь в Октавию вместе с нами.

Чистота крови — чистота помыслов.

I

Киллиан Парис Бёрко.

Ни в одном учебнике не упоминалось это имя. Мне пришлось перерыть все полки в секции «Отечественная история», прежде чем я наткнулся на императора Париса Бёрко, прапрапра... — сколько там ещё этих «пра-», не счесть — ...дедушку. Вероятно, второе имя принцу дали в честь него. Правил он мало, никаких важных реформ не проводил, войн не вёл, и так уж выходило, что на занятиях мы его пропускали.

В библиотеку я рванул, едва прозвенел звонок на большую перемену: бежал, перепрыгивая ступеньки, и чуть не сшиб младшеклассника в дверях. Я так увлёкся поисками, что кто-то из посетителей пожаловался на меня из-за чрезмерного шума. Мне сделали замечание, но, учитывая, что днём ранее вся моя прежняя жизнь оказалась самым настоящим фарсом, слова сердитой библиотечарши я воспринял как ленивый всплеск воды посреди мощного шторма. Я извинился, пообещав быть тише, и только сейчас осознал, как странно выгляжу. Нам не давали никаких важных заданий по истории, поэтому мой спонтанный интерес к династии Бёрко мог

показаться кому-то подозрительным. Я устало опустил-ся на стул и решил не спешить с выводами.

Допустим, я и правда наследник престола, сын Лукиана Бёрко. Кто об этом знает? Отец (поправочка: неродной отец), Гедеон, Люмбер, Оскар и мистер Вотермил. Эти люди точно в курсе происходящего. Но кто ещё? Их определённно должно быть больше.

Теперь другой вопрос. Почему Уильям Хитклиф взял меня в семью и выдал за своего сына? Он состоит в Совете старейшин. Туда рвётся и Гедеон. Что собой представляет Совет старейшин, я знал лишь по урокам гражданского воспитания. Он руководит страной, состоит из чистокровных, в прошлом приближённых к императору, а также делится на партии; его члены разрабатывают, принимают — или отклоняют — законы и назначают министров. Во главе Совета стоит Верховный Сизар — Фредерик Лир. Он был главным советником императора Лукиана Бёрко, а до этого — советником его отца. Ему уже под семьдесят лет, и это очень уважаемая фигура. Целые лекции посвящены тому, сколько Верховный Сизар сделал для Октавии. Я бы не удивился, узнав, что он сам утверждает материал для учебников: слишком уж его хвалят в лицее.

На этом мои познания заканчиваются. Совет появился после падения империи. Если я — это всё ещё не укладывалось в голове — ...нет, если принц взойдёт на престол в девятнадцать лет, Совет может лишиться власти. Что, если отец... Уильям Хитклиф забрал меня к себе, лишь бы я никогда не узнал о своём происхождении и не попытался однажды свергнуть старейшин? Но ведь проще было бы от меня избавиться...

Что-то не сходилось, и это раздражало. Мне было около года. Отец... Уильям Хитклиф мог убить меня, как убили всю семью Бёрко, либо убрать с дороги чуть

позже, года в два или три: например, утопить, а затем месяцок погоревать на виду у соседей. Поддержать легенду, что любимый младший сын утонул. Мне скоро семнадцать, а я пока жив, значит, ему — или кому-то ещё, кто во всём этом замешан, — нужно что-то другое.

Допустим, мне никогда бы не рассказали, что я принц. Да и сейчас я узнал об этом случайно. Я мог всю жизнь считать себя одним из Хитклифов. Наверное, это было бы меньшим из зол.

Отец не скрывал, что наблюдает за мной в стенах лицея. Оценки, незначительные замечания, всё, что стоило донести до родителей, он обязательно узнавал. Уверен, доложили ему и о том, что меня не было на первом уроке на днях, а затем я появился в заляпанной кровью рубашке на два размера больше. Я всё ждал, что он вызовет меня к себе в кабинет, но, как оказалось, он был слишком занят работой. Судьба давала мне время на передышку перед серьёзным разговором.

Оглядевшись, я понял, что никому нет до меня дела. В общей какофонии я различал перешёптывания: кто-то впереди готовился к октавианской литературе и перелистывал страницы; сбоку кто-то тихо диктовал напарнику химическое уравнение; скрипел стул, слышались шелест тетрадей и быстрое клацанье по клавиатуре.

На моём столе возвышалась гора из книг. Я был решительно настроен просмотреть каждую в поисках зацепок. Но, подумав, осознал: так я дам понять отцу... Уильяму Хитклифу... что со мной что-то произошло, — конечно, если ему об этом доложат. Либо я влюбился в учительницу истории, престарелую миссис Столь, и теперь из кожи вон лезу, чтобы произвести на неё хорошее впечатление, либо узнал, что я наследник императорской династии, и разыскиваю всю возможную информацию о ней.

Я не понимал, говорит ли во мне здравый смысл или паранойя.

А если я скажу отцу и брату, что знаю правду? Как они со мной поступят? Попытаются ли избавиться от меня? С младших классов нас убеждали, что Лукиан Модест Бёрко был никудышным императором, чьё правление привело к восстанию полукровок и низших. Навести порядок смог только Совет старейшин. Получается, я — единственная угроза для новой власти.

О смерти императорской семьи мне было известно немного: лишь то, что стража, ворвавшись в разгромленный дворец, увидела тело императора с пулевыми ранениями. Северину Бёрко вместе с детьми застрелили в загородном доме.

Паулина и Паскаль. Им сейчас было бы двадцать девять и двадцать три года, но они похоронены в семейной усыпальнице рода Бёрко. Я не знал их лично, не питал к ним родственных чувств, в моей голове они оставались только историческими личностями со страниц учебников. Из-за этого казалось, что я слишком чёрств, раз не скорблю о них. Они моя семья, но я не испытываю к ним ничего, кроме смятения и недоверия.

До конца перемены оставалось ещё пятнадцать минут, нужно было срочно что-то предпринять, иначе я не усажу за партой во время урока. Краем глаза я заметил, как библиотекарьша то и дело бросает в мою сторону недовольные взгляды. Кажется, она уже записала меня в список нежелательных посетителей. Я принялся вяло разбирать книги и возвращать их на полки. Это было ошибкой. Стоило просто оставить всё на столе. Я перепутал порядок расстановки книг — войны девятнадцатого века перекочевали в один ряд с Великими географическими открытиями, а «История великой династии